
ЕЛЕНА
ГРАСС
БЫВШИЕ
МЫ НАЛОМАЛИ ДРОВ...

Елена Грасс

Бывшие. Мы наломали дров...

https://litres.ru/74964269
SelfPub; 2026

Аннотация

— И как ты планируешь жить без детей? — пока друг спрашивает меня об этом, его ребёнок скачет рядом. Невольно улыбаюсь. — Посмотри, как мой сын липнет к тебе! Ты же прирождённый отец.

— Матвей, закроем тему, — настроение мгновенно портится.

— Зря ты так, — не соглашается со мной. — Вы с Алёной как два упрямых барана, твердите, что можно прожить и без детей. Но это неправда.

Я устал от этих разговоров. Мать клюёт, брат со своими тремя смотрит на меня глазами, полными сочувствуя. И ещё Матвей начинает.

— Помнишь Татьяну из Сумы? — не понимаю, к чему он говорит про девушку, которую мы вывозили с остальной группой. — Она про тебя все уши прожужжала. Эта блондиночка осталась работать в нашей столовой, и каждый раз, когда я вижу её, спрашивает о тебе.

— И что? К чему ты это говоришь?

Друг поднимает сына на руки и тихо говорит:

— Стас, у тебя, в отличие от Алёны ещё есть время! Ищи себе другую и разводитесь! Да, понимаю, отпускать тяжело, но со временем любая боль притупляется.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 25
Глава 5 32
Глава 6 41
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Елена Грасс
Бывшие. Мы наломали дров...

Глава 1

От этого въедливого запаха меня буквально выворачивает наизнанку. Кажется, ещё немного — и начнётся настоящая аллергическая реакция.

И надо же, какая горькая ирония! Я ведь сама медсестра, а этот дух хлорки, спирта и стерильности последнее время вызывает во мне только глухую ненависть и подкатывающую к горлу тошноту.

Знай заранее, с каким омерзением и злостью я буду переступать порог клиники, ни за что на свете не пошла бы в медицину.

Все доктора, через чьи кабинеты мы прошли, в курсе моего образования. Для них я коллега, пусть и со средним дипломом, а значит, церемониться незачем.

Никто даже не пытается сгладить углы, подобрать щадящие формулировки или хотя бы сымитировать сочувствие.

Вот и сейчас седовласый профессор привычно и сухо сыплет сложными диагнозами и латынью, а я машинально киваю

с непроницаемым лицом, делая вид, что хладнокровно держу удар и полностью согласна с его вердиктом.

Рядом сидит муж.

Он сосредоточенно переводит взгляд с моего каменного лица на профессора, тщетно пытаясь уловить смысл врачебной терминологии, но я догадываюсь: он ничего не понимает.

Однако, я уверена: ему и не надо понимать. Главное он понял: детей у нас, вероятнее всего, не будет. И этого вполне для него достаточно.

Сколько раз я была уже в подобных кабинетах за три года? Не помню. Со счёта сбилась.

Сначала я ходила одна, потом уговорила пойти со мной Стаса.

А теперь у нас уже и не встаёт вопрос: мы идём вдвоём или я иду одна.

Я просто говорю ему о дате очередного приёма, он отпрашивается у командира на несколько часов, и мы молча идём к очередному доктору.

Я благодарна ему за то, что он никогда не ищет причин, чтобы сбежать от подобных походов и оставить меня одну.

Привычно сижу на самом краешке кожаного кресла, вжав плечи в шею, и думаю, что это последний визит к врачу — репродуктологу.

Поднимаю глаза на врача и пытаюсь поймать ускользающую нить разговора.

— Вы всё поняли?

— Да, конечно.

— Тогда, уверен, ничего нового я вам не скажу, — кивает он в сторону толстой папки с нашими анализами.

В это папке наша жизнь за три года: результаты генетических тестов, гормональные профили, ультразвуковые протоколы, гистероскопия…

Это десятки листов, исписанных латинскими терминами, цифрами и аккуратными галочками в графах, где совершенно дико в нашем случае звучит слово «НОРМА».

— Да, мы готовились к этому, — тихо говорю я. — Спасибо, что уделили нам время.

— Не благодарите. Не за что. Я ничем вам не помог, — он равнодушно откидывается на спинку кресла, складывая пальцы домиком, и пристально смотрит то на меня, то на моего мужа.

— Почему вы так на нас смотрите? — решаюсь на прямой вопрос.

Профессор несколько секунд молчит.

— Ребята… Я знаю, вы уже устали от слов, что у вас абсолютно прекрасные анализы, никаких органических патологий, а гормоны как по учебнику. Однако я всё равно вам скажу, что думаю. Позволите?

— Говорите! — одновременно позволяем и я и Стас.

— Объективных причин для волнения у вас нет.

Когда профессор заявляет нам подобное, мы сразу же пе-

реглядываемся.

Вижу, как муж сжимает кулаки и опускает лицо. Злится. Сильно. Но всё равно сдерживается и не вступает в полемику с доктором.

А я вот, в отличие от него, сдаюсь. Я не говорила подобного ни разу, но теперь хочется.

— Но как же нет, если я уже три года не могу забеременеть? — мой голос звучит надломлено.

Теперь мы поменялись местами. Стас вроде как равнодушен, спокоен, а я злюсь на врача за эту речь, за попытку доказать нам, что у нас всё отлично, и за ту надежду, которую мы уже ненавидим.

Да, да, именно так. Люди живут надеждой, а наша маленькая семья её ненавидит!

Пока доктор хмурится от моего возмущения, я закрываю глаза и представляю, как этот профессор выводит в карточке слова: «Беременность невозможна» и ставит большую, жирную точку.

Но мне, если честно, теперь уже кажется, что так было бы проще!» Ведь если бы этот светила медицины, к которому мы так стремились попасть, сказал нам, что у меня или мужа обнаружена какая-то патология или болезнь, нам хотя бы всё было понятно. Понятно, что это нужно лечить!

А здесь? Что при этом его вердикте об идеальности наших органов будем лечить мы?!

Муж улавливает моего гнева вспышку мгновенно. Он

слишком хорошо меня знает. Реагирует по-армейски быстро.

Его тёплая, широкая ладонь накрывает мои дрожащие пальцы, осторожно сжимая их и следом переплетая свои пальцы с моими. Он словно говорит мне без слов: стоп! Мы договаривались!

Перевожу на него взгляд и чуть заметно киваю.

Пока мы ведём разговор без слов, профессор тем временем вздыхает и продолжает:

— Да, согласен, три года — срок немалый. Но поверьте, некоторые пары и по десять лет пытаются, а потом рожают прекрасных малышей.

Теперь замирает Стас. Я чувствую, как его пальцы на моей руке мгновенно становятся напряжёнными.

— Простите, доктор, но эта странная шутка… Она не очень кстати.

— Это не шутка. Я говорю вам то, что знаю по собственному опыту. А если я обидел вас подобным примером, прошу извинить меня.

Теперь мы молчим всё втроём.

Жду, что врач отдаст нам документы, попрощается и поспешит уйти, но он никуда не торопится. Не знаю, из-за уважения к нам или просто ему некуда спешить.

— Уважаемые, я вижу, что вы… расстроены. И я, старый болван, глупость сморозил. Но случаи бывают разные. И чудеса... Они случаются.

— Вы врач. Вы не можете верить в чудеса.

— Разве? — снимает профессор очки. — С чего такие выводы?

— Потому что… — вижу, Стас хочет вступить с ним в полемику.

Но зачем ему это? Что и кому он хочет доказать? А может быть, он хочет услышать про те самые чудеса?

— Подожди, Стас… И что же нам делать? — вмешиваюсь в разговор профессора и мужа.

Тот переводит взгляд на меня и надевает очки обратно.

— Вы правда хотите услышать моё мнение? — недоверчиво спрашивает.

— Да, хочу.

— Но вы же не верите…

— Говорите! — более жёстко говорит Стас.

Глава 2

— Скажу. Но только не принимайте мой совет в штыки. Вам нужно продолжать пытаться. Просто продолжать жить и пытаться. Но не доводить это до фанатизма. Вы понимаете, о чём я?

— Доктор, а можно не эфемерными выражениями, а как – то более понятно? Я солдат и мне нужно прямо и конкретно!

— Так я и говорю! И прямо, и конкретно! Говорю, чтобы вы жили и занимались любовью. Но именно любовью, а не попытками зачать ребёнка.

Последние слова он произносит мягче, однако я прихожу в смятение.

Кажется, словно этот доктор знает нас лично, и знает, чем мы занимаемся по ночам. Мы ведь на самом деле давно перестали заниматься любовью. Теперь это больше механика.

Стас, услышав эти слова, заметно вздрагивает. Я поворачиваю к нему лицо, но он в ответ теперь уже на меня не смотрит.

Он переводит взгляд на стену, где висит выцветший плакат с изображением женской репродуктивной системы. А там, поняв, о чём плакать, совершенно без всякого стеснения достаёт телефон и пишет кому-то сообщение.

— Доктор, вы видели, сколько мне лет?

Он не отвечает. Вместо этого листает в начало карточки

и, увидев, что мне уже чуть больше тридцати, хмурится.

— Вижу.

— И вы говорите: нам нужно просто продолжать жить и пытаться?

— Я настаиваю на этом.

Да, вероятно, когда доктор говорил это впервые, он не учёл наш возраст. А теперь ему отступать некуда, кроме как повторять то, что он сказал ранее.

Понимаю его: мы для него лишь работа и очередные пациенты. Но для нас — это наша жизнь, которая у нас одна и другой не будет.

— Скажите... Если уж вы сами о чуде заговорили, в вашей практике оно часто случается? — я перехожу к той теме, на которую даже не планировала разговаривать. Но мозг цепляется за любые попытки ухватиться за надежду иметь детей от любимого человека.

— Алён… — игнорирую то, как Стас пытается положить мне руку на плечо. — Прекращай.

— Случалось в вашей практике такое, чтобы... чтобы так и не получилось? Чтобы обследования идеальные, а детей у пары нет?

Доктор замирает. В его взгляде мелькает борьба между медицинской этикой и простой человеческой честностью.

— Вы хотите, чтобы я вам соврал или сказал правду? — теперь он говорит подчёркнуто мягко, осторожно взвешивая каждое слово. Кажется, наше напряжение уже искрит даже

в воздухе.

— Лучше правду, — жёстко и бескомпромиссно перебивает его Стас, отрываясь от телефона.

— Конечно, бывало такое и в моей практике.

— И как это объяснялось врачами? — продолжаю мучить профессора.

— Подобное называется «бесплодие неясного генеза». Физиологически оба партнёра безупречны, но оплодотворение или имплантация не наступают. Медицина не всесильна, мы до сих пор знаем о зарождении жизни далеко не всё. А иногда мне кажется, что медицина лишь… помощник. Алёна, вы же медик. Должны понимать…

— Алён, хватит.

Перевожу на мужа глаза. В его взгляде злость. А ещё усталость.

Наверное, на его месте другой бы уже давно бросил всё это, а он терпит. Только не знаю, насколько ещё его хватит.

— Спасибо, что уделили нам время, — произносит он и поднимается со стула раньше, чем я успеваю ещё что-либо сказать.

Он берёт меня под локоть, заставляя встать следом. Он уже откровенно намекает мне, что дальше этот разговор он терпеть не намерен.

Я оглядываюсь на доктора: тот всё ещё сидит за столом и смотрит на нас с сочувствием, которое мне сейчас совсем ни к чему.

Стас торопливо забирает бумаги, складывает их в папку и подталкивает меня к двери.

Я едва успеваю подхватить сумку и попрощаться.

— Зачем ты так? Мы недоговорили! — накидываюсь на мужа, как только дверь за нами закрывается.

— О чём ещё говорить, Алён? Что ты хочешь услышать? — Стас поворачивается ко мне, и я вижу, как на его лице проступают красные пятна. Челюсти напряжены.

С соседней скамейки на нас оглядывается женщина. Я замечаю это и сразу понижаю голос:

— Не кричи на меня.

Стас тоже замечает её взгляд и ему хватает выдержки не продолжать.

В своём отвратном настроении мне хочется сказать ему многое. Например, что он не имел права уводить меня, пока я не закончила разговор.

— Успокойся! Угомонись! Хватит! — говорит он заметно тише.

Кажется, мы оба сейчас как граната, отпусти чеку, и взорвёмся.

Муж берёт меня за руку и ведёт к выходу из клиники. Я не сопротивляюсь, я сама хочу побыстрее сбежать отсюда.

Проходя мимо ряда с сидящими женщинами и девушками, стараюсь не смотреть по сторонам.

Потому что знаю: стоит мне поднять голову, и я обязательно увижу нескольких дамочек с округлившимися животами.

Они будут сидеть в ожидании приёма, бережно поглаживать животы ладонями и улыбаться своим мыслям. Или мужьям. Или друг другу.

По характеру я не завистливая. Всегда искренне радовалась за других, когда узнавала об их положении.

А вот недавно неожиданно поймала себя на том, что мне всё труднее это делать.

Несколько дней назад знакомая прислала фотографию теста с двумя полосками. Я написала ей, как за неё рада, поставила сердечко, а потом долго сидела с телефоном в руках и смотрела на собственное отражение в потухшем экране.

И плакала, потому что в первую очередь подумала не о ней, а о себе и своей несчастной доле.

Я завидовала ей! И мне было стыдно в этом признаться даже само́й себе.

У выхода Стас отпускает мою руку, чтобы придержать дверь. Я прохожу первой и с облегчением вдыхаю прохладный воздух.

— Алён, зачем ты прицепилась к этому доктору? — наконец-то срывается муж. — Что тебе дадут эти пустые разговоры про чудо?

Я останавливаюсь и тоже больше не могу сдерживать эмоции.

— Я просто спросила.

— Тебе нравится мучить себя? — Стас идёт к машине, уже не пытаясь снова взять меня за руку.

— Нет, но…

— Тогда хватит.

— Согласна. Хватит! Не хочу больше ничего! Ни врачей, ни витаминов, ни анализов. Слышишь? Я больше не могу! С меня хватит.

Стас, не дойдя до автомобиля, останавливается и медленно оборачивается.

— И что ты предлагаешь? — неожиданно тихо спрашивает он. Настолько тихо, словно и не был зол пару секунд назад.

Глава 3

— Алён, ты молчишь... Говори! — Стас подходит вплотную.

Он останавливается так близко, что я вижу капли недавнего снега на воротнике его куртки.

Чтобы посмотреть ему в лицо, мне пришлось бы запрокинуть голову, а я этого не хочу. На моём собственном сейчас такое выражение, что лучше его не показывать.

— Ты сказала, что тебе всё надоело. А ещё, что не хочешь больше ничего. Ни врачей, ни витаминов, ни анализов.

Он перечисляет каждый из пунктов как список задач для своих подчинённых. Только на слове «не хочешь» чувствую, как его голос чуть дрогнул.

Его голос дрогнул, а вот мне самой рыдать хочется. В голос! Выть, как побитая собака. Только боль у меня не физическая, а душевная.

Потому что я на самом деле устала от всего. От таблеток, которые я долгое время принимала по часам. Будильника на шесть утра, чтобы успеть измерить температуру внутри организма, пока не встала с кровати. А ещё, чтобы он не видел, как я меряю эту температуру!

Я не стесняюсь Стаса, но после подобного точно уже никакой романтики не останется.

А ещё от календаря с кружочками, который я прячу под

стопкой рецептов, чтобы Стас лишний раз не смотрел на пустые клетки.

И так я живу три года. Не мы, а именно я! Да, ему тоже сложно. Но вряд ли так же, как и мне. У нас всё происходит по-разному. Я чувствую себя более ответственной. Потому что, если я забеременею, выносить и рожать нужно будет именно мне.

На его вопрос не отвечаю. Отворачиваюсь и упираюсь взглядом в ветки. Они голые, мокрые, чёрные на сером небе.

От этого вида тоска ещё сильнее.

— Алёна, я задал вопрос! — повышает голос Стас. — Не отворачивай лицо. Хватит прятаться от очевидных вещей.

Меня задевает слово «прятаться». Это я – то прячусь? Нет, я не прячусь! Я берегу нас обоих от того, что вот-вот вырвется наружу.

Он тянется к моему подбородку, но я не позволяю. Потому что, если он дотронется, я сломаюсь.

Но Стас упрям. Очень. Всегда. Во всём.

Вероятно, именно поэтому мы до сих пор вместе. Этот человек в любой ситуации идёт до конца. Даже если он понимает, что это ни к чему не приведёт.

Но в данном сейчас, как бы он ни старался быть упрямым, от него ничего не зависит. Выше головы не перепрыгнуть.

Словно проверяя наши нервы на прочность, снова мимо нас проходит беременная девушка. Она смеётся и что-то рассказывает по телефону. Вероятно, с мужем делится подроб-

ностями визита к врачу.

Стас старается не смотреть в её сторону, но я всё равно замечаю его быстрый взгляд на её животе. Он быстро переводит взгляд обратно, но понимает, что я всё видела.

Ну и кого он хочет обмануть? Меня? Ну хорошо, меня обманет. А себя?

— Алёна! Ты так и не ответила: что значит, ты не хочешь больше ничего?

Он касается моего запястья. Я снова отталкиваю его руку, резче, чем собиралась. Пальцы дрожат, поэтому я быстро прячу их, сцепив на груди.

— Ты всё понимаешь, Стас, — произношу тихо и заставляю себя поднять на него глаза. — Ты же так же, как я думаешь, правда?

— Нет, — он отвечает мгновенно, даже не дав мне договорить.

— Вот только давай без этого лицемерия, хорошо? Ты хочешь детей, я хочу детей. Но мы… вместе мы не способны родить ребёнка. Природа протестует.

— Не говори ерунды.

— В общем, я приняла решение. За нас двоих приняла.

— Дай догадаюсь, — хмыкает и делает это, на удивление, спокойно. И даже, как мне показалось — с усмешкой.

От этого смешка у меня по спине бежит неприятный холодок. Стас никогда не разговаривал со мной так, даже в самые тяжёлые наши дни.

— Да, всё правильно ты понял. Я хочу расстаться.

Слова звучат неуверенно, и я сама это отчётливо слышу.

— Врёшь.

— Нет.

Хотя, конечно, вру. Я люблю мужа, и расставание для меня будет маленькой смертью. Но я знаю — мы справимся. Не сразу, конечно! Не в этом месяце и, возможно, даже не в этом году. Но со временем обязательно справимся.

Боль притупится, рана зарубцуется, и однажды мы оба проснёмся утром без этой тяжести в груди. Допускаю такую реальность, что мы даже будем счастливы. Каждый по-своему.

На этот раз Стас отвечает не сразу. Он не говорит мне «да, давай, я согласен». Он и сам смотрит теперь куда-то в сторону, словно избегает встречи взглядами.

— В машину иди! — командует он. Голос чужой. — Нечего мёрзнуть. Трясёшься вся.

— Ты отвезёшь меня? — спрашиваю едва слышно.

— Мне надо на улицу…

— Нет. Ты поедешь домой. А если не поедешь, значит, я перекину тебя на плечо и понесу. А если сбежишь, значит, найду и запру. Алён, ты не слышала меня? Села! Хватит доводить меня! Мне твоих больниц достаточно.

— Моих? — задыхаюсь в возмущении.

Я вздрагиваю и молча иду к машине. Ноги не слушаются, но я всё равно заставляю себя идти. Я словно по плацу мар-

ширую. Каблуки цокают по асфальту слишком громко.

Стас открывает передо мной дверь и пропускает вперёд.

Салон автомобиля встречает меня теплом и тишиной и, кажется, становится чуть легче.

Муж пару секунд задерживается с моей стороны и потом хлопает дверцей. Дальше он садится в машину и следом дверь с его сторон закрывается так же громко, как и моя.

Мы остаёмся запертыми в этом маленьком пространстве, где некуда спрятаться друг от друга. Стас щёлкает на блокировку.

— Это зачем?

— У тебя гормоны от… гормонов шалят. Так будет лучше.

Несколько минут мы сидим молча. Двигатель тихо урчит, печка гонит тёплый воздух, но мне всё равно по-прежнему холодно. Слишком долго мы стояли возле машины на промёрзлом ветру.

Муж, словно стараясь отвлечься, достаёт телефон и что-то быстро печатает. Резко, с нажимом. Наверное, пишет кому-то по работе. Или друзьям. Или просто делает вид, что занят, лишь бы больше не говорить со мной.

Я отворачиваюсь к окну. Ничего за его пределами не ищу и не рассматриваю. Я просто не хочу, чтобы он видел мои слёзы.

— Мы едем или стоим?

— Сейчас. Пару секунд.

Дописав сообщение, он откладывает телефон. Вижу, как экран тут же гаснет.

— И что это было?

— Ты про что?

— Я про твою… тихую истерику.

— А тебе нравятся громкие?

— Знаешь, иногда мне кажется, что лучше бы ты пошвырялась посудой, вцепилась мне в волосы, накинулась на меня с кулаками, придумав, что я это заслужил. Чем... так.

Представляя всё то, что говорит Стас, я не могу сдержать улыбки. Закусываю губу, чтобы не начать улыбаться широкой улыбкой.

— Так заслужи, и я тебе устрою, — мой муж понимает, что я шучу, потому что я, даже не глядя на него, чувствую, как он тоже улыбается.

— Надо подумать над этим… Идея неплохая.

— Стас, я очень люблю тебя, но ты мужчина. И ты не понимаешь… — скатываемся опять в привычную и такую уже ненавистную тему.

— Чего я не понимаю, Алён?

— Предназначение женщины…

— Я всё понимаю.

— Но как мы дальше будем жить, если… — не заканчиваю. Не могу сказать это вслух.

До встречи с этим профессором я запрещала себе такие упаднические настроения, но теперь я больше не хочу. Я же

живой человек, и теперь я, потеряв последнюю надежду на материнство, отпускаю себя.

Я снова закусываю губу, но теперь чтобы не плакать. Крепче сжимаю пальцы на коленях.

Стас больше не спорит. Вздыхает. Молчит.

— Опять перчатки потеряла?

— Что?

— Перчатки, — кивает в сторону рук. — Опять потеряла?

— Да. Одну.

Он прав: пока мы стояли на улице, мои руки замёрзли окончательно. От холода они стали ярко-красными.

Стас берёт их в свои. Его большие горячие ладони начинают растирать мои пальцы, и от этого тепла по коже бегут мурашки, колючие и болезненные. Мои маленькие ладошки почти целиком тонут в его больших руках.

— Растеряха, — говорит тихо, следом дуя на них.

— Да. Вот такая я у тебя невезучая.

Когда он склоняется надо мной, мне вдруг очень хочется погладить его по голове. А ещё поцеловать его, но не в губы, а в щёки. Они тоже у него от мороза стали красными.

Он сейчас кажется мне роднее всех, кого я знаю. Даже мама с папой так обо мне не заботятся, как он.

— Вот такая ты у меня… глупая.

Обидеться бы на его слова, но не получается. Даже бросая мне это злое слово, я вижу, с какой нежностью он смотрит на меня. А ещё я чувствую, как он устал. Он тоже ночь, как

и я не спал. Просто лежал рядом, отвернувшись к стене, и думал, что я не замечаю. Но его неровное дыхание выдавало его.

В животе начинает неожиданно урчать. Вчера перед встречей с профессором кусок не лез в горло. Вечером я пробовала запихнуть в себя бутерброд, но чувствовала себя так, словно во рту пережёвывала вату.

Под утро я всё-таки уснула и открыла глаза за двадцать минут до выхода. Умылась, оделась, застегнула куртку, а про завтрак даже не вспомнила.

— А ещё голодная, — начинает улыбаться. — Поехали. Буду тебя кормить.

Глава 4

— А как же работа?

Я задаю этот вопрос не случайно. Стас и опоздания — вещи несовместимые. За все годы нашей жизни он ни разу не задержался без веской причины. Но сейчас он даже не смотрит на часы.

— Подождёт, — в его голосе слышится то самое знакомое упрямство, и я понимаю: спорить бесполезно.

— Но тебе же сегодня нужно в часть?

— Алён, я всё сказал. Мы давно не были вместе. Едем или нет?

— Едем.

В кафе тепло, пахнет жареным мясом, свежей выпечкой, кинзой и терпким вином. В зале играет тихая ненавязчивая музыка. Для обеда ещё рано, народу немного, но он есть.

Стас помогает мне снять куртку, вешает её рядом со своей и пропускает меня к угловому столику у окна.

— Уютно здесь, — отмечаю вслух и оглядываясь по сторонам.

— Да, сослуживцы говорили, что здесь отлично кормят.

Благодаря тому, что вокруг нас люди, я немного отвлекаюсь от своих мрачных мыслей. Этот чужой живой шум создаёт вокруг нас уютную иллюзию нормальности и безопасности.

И в этот момент, мне кажется, будто с нами ничего критичного ничего не случилось, будто сегодня самый обычный будний день, а мы просто сбежали от дел посидеть вдвоём и вспомнить о том, как любим друг друга.

Пока я ухожу в уборную, муж заказывает наши любимые блюда и чай. Я не протестую. Он знает меня наизусть, точно так же как я его.

В тесной уборной пахнет лимоном. Я стою, глядя на себя в зеркало и долго мою руки. Отмечаю про себя, что следы бессонной ночи почти незаметны, и я ищу в этом маленькую радость.

Промокаю щёки бумажной салфеткой, поправляю выбившуюся прядь волос и строго договариваюсь сама с собой, что я не буду сидеть возле собственного мужа с кислой, похоронной физиономией, а постараюсь расслабиться и получить удовольствие от этого незапланированного выходного Стаса.

Выхожу к нему и замечаю, что он тоже улыбается мне. Да, и сейчас мы мыслим одинаково. Он тоже… притворяется.

Что же, сигнал принят. В очередной раз мы включаем программу «Не вижу. Не слышу. Ничего знать не хочу».

Когда нам приносят заказ: большой, истекающий расплавленным сыром хачапури по-аджарски и горячий чай с чабрецом, я понимаю, насколько я голодная.

Я беру вилку, аккуратно смешиваю желток с сыром, пытаясь не торопиться.

Следом идёт горячий суп. Беру ложку и смакую вкус. И

плевать, что ещё не полдень. Хватит жить по непонятно кем установленным правилам.

Чувствую на себе взгляд Стас. Поднимаю на него глаза.

— Что?

— Ты так вкусно ешь, — к своей еде он так и не притронулся.

— Не смущай меня.

Через несколько минут я, ощущая насыщение, понимаю, что Стас во многом был прав: нельзя поддаваться эмоциям. Даже если они заставляют думать, что всё безнадёжно.

— Что с отпуском? — ищу тему для разговора.

— Не знаю пока. График двигают, учения могут перенести на июль.

— Куда поедем?

— А куда ты хочешь? — Стас смотрит на меня с лёгкой полуулыбкой, но его пальцы нервно перебирают бумажную салфетку, сминая её в плотный шарик. И всё-таки он тоже нервничает.

— Может, на море? В горы? Туда, где совсем никого нет…

Мы оба стараемся говорить о чём угодно: об отпуске, о ремонте в коридоре, о машине, которой пора менять масло, но всё равно я чувствую, что Стас, так же как и я, не отпустил ситуацию. Это невидимое напряжение висит между нами в воздухе, словно натянутый до предела электрический провод.

Несмотря на наши попытки казаться беспечными, каждое

слово кажется искусственным, каждая улыбка — фальшивой маской.

Внезапно тишину нашего столика разрывает громкая трель смартфона. На экране высвечивается фотография его брата.

— Подожди, Ванька звонит, — Стас спешно смахивает по зелёной трубке. — Алло, да, Вань, привет.

Я замираю с чашкой чая в руке. Из динамика доносится звонкий, взволнованный и радостный голос невестки.

— Да, Ась, привет. Я думал, это Ванька.

Она что-то спешно говорит ему, тараторит без умолку, а Стас сначала молча кивает, глядя в окно, а потом вдруг резко переводит взгляд на меня.

Слышу, как на заднем фоне в трубке визжат и кричат дети, звенит посуда, звучит заливистый смех. Обычная, живая, переполненная детским счастьем суета дома, где растут трое малышей.

— Последнее повтори. Я не слышал, шумно у вас, — хмурится Стас.

Она снова что-то говорит ему, быстро и эмоционально, а муж продолжает неотрывно смотреть на меня.

— Ладно, я понял. Потом позвоню тебе. Но ничего не обещаю. Давай, целуй от нас всех.

Стас сбрасывает вызов, кладёт обратно на стол телефон и наконец-то принимается за свою еду.

Ещё пару минут назад он даже не притрагивался к ней, а

теперь пережёвывает каждый кусочек так старательно, словно надеется, что я не стану расспрашивать его о звонке.

Он методично отрезает ножом кусок мяса, отправляет в рот. Затем ест суп. Затем нарочито увлечённо изучает меню десертов.

Я жду, пока он закончит, и ничего не спрашиваю.

Наконец, муж начинает говорить. Сам. Но разговор его не о телефонном звонке.

Он рассказывает какую-то историю про своего сослуживца, про новую служебную собаку в части. Он старается по-прежнему держаться непринуждённо, улыбается уголками губ, но его глаза остаются отвлечёнными оттого, что он говорит.

Я не первый год знаю его. Понимаю, что эта внезапная болтливость выдаёт его с головой.

— Жена твоего брата звонила просто так или по поводу? — не выдерживаю я, прерывая его затянувшийся монолог о гарнизонных буднях.

Вилка в руках мужа замирает над десертом.

— Ничего особенного.

— И именно поэтому ты ничего не рассказываешь мне о разговоре с ней.

— Алён, прекрати.

— Стас...

— Мы так хорошо сидим. Не порти это утро, — он переводит взгляд на часы, стараясь не смотреть мне в глаза.

— Говори, — он упрям, но я тоже упряма.

— Ладно. Но тебя это расстроит.

— Я сама могу решить, что меня расстроит.

— Ася пригласила нас на день рождения младшего племянника. В субботу. Ему исполняется год.

— Уже год. Быстро время летит, — отвечаю я и сразу же жалею, что спросила. Настроение мгновенно портится.

Теперь сама отвожу от мужа пристальный взгляд. Теперь он в ответ буравит меня глазами, а мне стыдно признаться, что он был прав: меня на самом деле это расстроило.

Маленькому сыну Ивана и Аси исполняется год. А это значит: полный дом родственников с детьми, годовалый именинник с тортом, воздушные шары и десятки восторженных разговоров о первых шагах, первых зубах, первых словах.

И в этом хаосе детского и взрослого веселья мы со Стасом будем сидеть где-нибудь с краю дивана и улыбаться.

Ещё минуту назад я с удовольствием ела десерт, а теперь сладкий крем прилип к нёбу.

Откладываю вилку и тянусь за чашкой. Мне нужно срочно запить его водой.

Чай уже остыл, но я всё равно делаю несколько глотков.

Стас теперь молчит. Он просто сидит напротив, сложив руки в замок, и внимательно следит за каждым моим микродвижением.

Я собираюсь сказать ему, что никуда не хочу ехать, но он опережает меня:

— Алёна, думаю, надо ехать.
— Что? — замираю с чашкой в руках.
— Надо ехать, — повторяет он уверенно.

Глава 5

— А ты не согласна со мной?

— Я не знаю, — признаюсь, что на самом деле чувствую.

Стас чётко дал мне понять, что он планирует навестить этот праздник. А вот я в отличие от него, не жду ничего хорошего. Слишком острая на язык жена Ивана. И она уже не первый раз подначивает меня на тему возраста и отсутствия детей.

Я не рассказываю об этом Стасу, чтобы он не ругался с братом, но слушать это не из приятных.

— Иди один.

— Один? Нет, Алёна, мы семья.

— Я не хочу.

Стас берёт меня за руку и смотрит с откровенным недовольством.

— Если мы откажемся — это будет признанием нашей капитуляции.

— Не поняла…

— Алён, и твои, и мои знают о нашей беде. Ты же сама, чтобы от тебя отстали, сказала, что мы лечимся.

— Я сказала только маме. Одной маме.

— А она рассказала моей. Ты же знаешь, как это бывает. А эти две… балаболки со своими языками... — в голосе мужа появляется нескрываемая злость.

Знаю. Конечно, знаю! Стоило мне однажды признаться, что мы ходим по врачам, как родственники, тут же начали голосить о том, какие мы несчастные и делиться советами.

Они все словно помешались на нашем деторождении и решили объединиться семьями во благо моего будущего материнства.

И мать Стаса, и моя давали мне телефоны знакомых специалистов. Другие родственники рекомендовали нам съездить в отпуск и перестать об этом думать.

Чего мы только не слышали, но главное, ничего из этого не хотели слушать.

— И что? — спрашиваю я. — Теперь мы обязаны туда пойти, чтобы доказать им, какие мы молодцы? Или ты предпочитаешь, чтобы нас опять начали... жалеть?

— Я не это имел в виду.

— Но ты сказал «капитуляция».

Стас сердится. Золотому времени передышки пришёл конец.

Он откидывается на спинку стула и устало выдыхает. Смотрит на проезжающие мимо автобусы, машины, идущих людей. Смотрит и молчит.

— Да. Наверное, я неудачно выразился. Но я уверен: если мы сейчас начнём избегать встреч с парами, где есть дети, это будет демонстрацией нашей открытой раны перед всеми родственниками.

Вот значит как. И когда это мой муж стал насколько зави-

сим от чужого мнения? Не замечала за ним такого раньше.

— А если согласимся, мне придётся пройти через персональный ад, где мне сунут в руки активного младенца и скажут: «учись обращаться с малышами!».

— Не бери, — отрезает он. — Алёна, это моя семья. А если допустить, что у нас никогда не будет детей, тогда что, мне отказаться от своих родных, чтобы тебя никто не обидел?

Я открываю рот, чтобы что-то ответить, но у меня нет слов.

Единственное, что я понимаю в эту минуту: он смирился. Сдался. Он больше не будет бороться за то, чтобы у нас появился ребёнок.

Встаю из-за стола и спешу к выходу.

— Стой! — говорит он мне вдогонку. — Истерику прекрати.

— Иди куда хочешь! Я никуда не пойду. И вообще... — не договариваю, успеваю себя остановить.

Мне хочется сказать: «и вообще иди на все четыре стороны», но я знаю, скажи я так, Стас на самом деле уйдёт.

Не потому, что обидится, а потому, что очень гордый.

По дороге домой мы практически не разговариваем. Он лишь интересуется, не холодно ли мне, и прибавляет тепло в машине.

Я напоминаю, что завтра нужно забрать посылку. Он отвечает, что постарается заехать после работы.

На светофоре я поворачиваюсь к нему, но муж смотрит

прямо перед собой, положив одну руку на руль.

Обычно в такие моменты он тянется ко мне, берёт за ладонь и держит, пока не загорается зелёный. Сегодня его рука остаётся на месте. Я говорю себе, что он просто задумался, и отворачиваюсь к окну.

Дома всё идёт своим чередом. Я занимаюсь домашними делами, он возится с отвёрткой, пытаясь починить дверцу шкафа.

Мы находим себе дела до самого вечера. Будто если продолжать заниматься привычной ерундой, то и день этот станет самым обычным. Сходили на приём, пообедали, вернулись домой. Постирали одежду, разобрали почту, починили дверцу.

Вечером мы ужинаем, хотя ни один из нас не голоден. Муж убирает тарелки, я вытираю стол. Потом мы вместе смотрим сериал, но сидим при этом не обнявшись, а по разным сторонам дивана.

Я не запоминаю ни одной сцены, но смеюсь, когда слышу смех зрителей, а муж спрашивает, включить ли следующую серию.

— Всё равно, — ухожу на кухню.

— Понял. Значит, давай завтра.

Перед сном я долго стою у зеркала в ванной. Смываю макияж, расчёсываю волосы, наношу крем. Проделываю всё медленно, прислушиваясь к шагам мужа в спальне. Дверца шкафа открывается и закрывается. Шуршит одеяло.

Когда я возвращаюсь, он уже лежит на своей стороне кровати и смотрит в телефон. При моём появлении откладывает его на тумбочку.

— Спокойной ночи.

— Спокойной.

Несколько мгновений мы лежим на спине, глядя в потолок. Потом муж выключает свет и поворачивается к стене.

Обычно он обнимает меня, и я устраиваюсь у него на плече. Иногда мы ещё разговариваем о всяких мелочах, иногда я почти сразу засыпаю, слушая его дыхание.

За годы нашей жизни вместе это стало настолько привычным, что я не представляла, как можно лечь иначе.

Я жду, что он сейчас повернётся ко мне. Может быть, поймёт, что забыл. Но он не двигается.

Я тоже отворачиваюсь и подтягиваю одеяло к подбородку. Между нами остаётся немного места, хотя наша кровать никогда не казалась мне особенно большой.

Мне хочется придвинуться, положить ладонь ему на спину и спросить, о чём он думает. Хочется, чтобы он обнял меня и сказал, что мы обязательно найдём выход. Раньше он всегда находил нужные слова, даже когда я плакала после очередного неудачного лечения.

Но сегодня я не уверена, что он сможет их произнести. И ещё больше боюсь, что он скажет их только ради меня.

Муж долго не засыпает. Я слышу это по его дыханию: оно становится ровным, потом снова сбивается. Наверное, он то-

же лежит с открытыми глазами и вспоминает наш разговор с профессором. А потом в кафе.

Нет, всё это неправда, что мы остались прежними. Как бы мы ни старались вести себя привычно, всё изменилось.

Слова, которые мы услышали сегодня, сломали не только меня. Даже мой муж — такой терпеливый, сильный, всегда готовый поддержать нас обоих — не смог остаться тем, кем был до этого.

Думаю, он никогда не скажет мне о принятом поражении. Но как говорится: знаки будут!

Утром, проснувшись раньше мужа, я снова смотрю на него и вспоминаю слова Стаса о том, что мы будем выглядеть в глазах родни как проигравшие в этой ситуации. А если мы не придём, тем самым мы докажем это.

Только я догадываюсь, что для Стаса признаться перед родными в том, как ему больно, — всё равно что показать слабость. Позволить им увидеть, что он тоже растерян, что не знает, как нам быть дальше.

Он не произносит этого прямо, но я слишком хорошо его знаю. Да и тот намёк в кафе был достаточно откровенным.

— Стас… — стучусь к нему в ванную.

— Что? — он бреется, но я всё равно я подхожу и обнимаю его со спины. Кожа к коже. Всё как он любит. И как люблю я сама.

— Знаешь, я подумала: ты был прав, а я не права.

— О чём ты?

— Надо идти…

— Куда идти? — Стас поворачивает ко мне голову, и я не знаю, действительно он не понимает или притворяется.

— На праздник этот. Тот, куда Ася и Иван пригласили. Это же твои племянники. А он твой брат. И они твоя семья.

— Нет, — бросает быстрое и, отворачиваясь обратно к зеркалу, продолжает бриться. — Наплевать на всех. Это ты права. А не прав.

— Они обидятся.

— Наплевать, — повторяет Стас.

— Нет. Я так не могу. Тебе это важно.

Пока он продолжает бриться, я беру телефон мужа в руки и ищу номер Ивана.

Глядя на то, как он хмурится и следит за каждым моим движением, палец зависает над кнопкой вызова, но я всё-таки нажимаю.

Его брат отвечает после третьего гудка.

— Алло, Вань, привет.

— Привет.

— Не разбудила? — я стараюсь казаться беспечной. Не знаю, насколько хорошо у меня выходит, но мне главное, чтобы мне верил только Стас.

— Что ты! Разве с тремя маленькими детьми можно спать до обеда?

И снова на заднем фоне слышатся крики и какой-то непрерывный гам. Кажется, кто-то плачет, но тут же плач

сменяется громким смехом.

— Я звоню спросить про приглашение на день рождения вашего младшего. Приглашение остаётся в силе?

— Конечно! А вы разве не хотели прийти? — искренне удивляется Ваня.

— Конечно, конечно. Ещё раз скажи, во сколько?

Он называет время, а я повторяю его про себя, словно от этого решение становится окончательным.

В этот момент я снова убеждаю себя, что поступаю правильно. Стасу важно увидеть семью. Всего несколько часов — я выдержу.

— А какой подарок купить?

— Любую яркую игрушку, — смеётся Ваня. — Настя, слезь с дивана! Упадёшь! — кричит он уже кому-то в сторону.

Я невольно улыбаюсь.

— Хорошо. Яркое, звенящее, кричащее… — перечисляю я и жду одобрения.

Прощаюсь с братом мужа и хочу уйти на кухню, когда Стас преграждает мне путь.

— Ну и зачем весь этот спектакль? Ты же не хотела идти.

Он спрашивает без злости, но я всё равно отвожу взгляд.

— Я всё объяснила. Не заставляй повторять меня несколько раз. Потому что ты хочешь их увидеть. Потому что это твоя семья.

Он подходит ко мне вплотную и обнимает меня. Прижи-

мается щекой к моему виску, и мы какое-то время стоим молча.

— Если тебе снова будут совать ребёнка в руки, не бери. Откажись. Скажи… скажи, что после тренировки болит всё тело и ты боишься не удержать ребёнка.

— Он уже большой и может сам залезть ко мне на руки.

— А это тогда вообще не твоя проблема. Я его сразу же заберу.

Глава 6

К трём мы не успеваем. Опоздали на час.

Всю дорогу я держу на коленях пакет с игрушкой и то и дело поправляю сбившуюся ленту.

Стас ведёт машину одной рукой, а другую протягивает мне. От этого простого жеста на душе сразу становится тепло. Он стал прежним — тем Стасом, который всегда искал мою руку, даже когда мы ссорились или молчали всю дорогу.

Я уже начала бояться, что он больше не захочет подобного контакта, но я ошибалась.

Через несколько минут не успеваем подняться на этаж, когда до нас уже доносятся детские голоса. Я останавливаюсь, и он сразу оборачивается ко мне.

— Алён…

— Я нормально.

— Уверена? У нас есть возможность уйти.

— У нас нет такой возможности.

Стас, даже понимая, что мы и так уже опаздываем, не торопит меня. Просто остаётся рядом, пока я собираюсь с силами. Я поправляю волосы, перекладываю пакет в другую руку и сама нажимаю на звонок.

Дверь открывается почти сразу. На пороге возникает Ваня с малышом на руках.

— Пришли! — раздаётся звонкий голос, едва мы перестu-

паем порог. Замечаю, как их гостиной несётся его племянница.

На ней нарядное платье, одна косичка уже успела растрепаться, а в руке зажат плюшевый заяц.

Она замечает Стаса и на бегу выпускает игрушку.

Я даже не успеваю снять туфли, когда девочка, чуть отталкивая меня, бросается к нему.

Стас приседает, раскрывая руки, и племянница налетает на него с такой силой, что он смеётся и едва удерживает равновесие.

— Я так тебя ждала! Думала, уже не придёшь.

— Ну как же я мог не прийти к своим любимым племянникам? — спрашивает он.

На его лице появляется то самое выражение, которое я не раз видела, когда он был рядом с детьми. Исчезла привычная сосредоточенная складка между бровями, взгляд стал мягче.

Он подхватывает девочку на руки и легко подбрасывает её. Она восторженно визжит, потом обнимает его за шею и начинает рассказывать наперебой про торт для брата, про подарки, которые принесли не только для него. Про шарик, который улетел под потолок и она никак не могла до него дотянуться.

Стас слушает очень серьёзно, кивает и задаёт вопросы. А она смеётся и прижимается щекой к его щеке.

— Проходите, не стойте в дверях, — Ваня с малышом старается уйти подальше от сквозняка.

— Да, сейчас.

Пока Стас продолжает болтать с племянницей, я отвожу взгляд и наклоняюсь за упавшим зайцем. Поднимаю его, стряхиваю с мягкого бока невидимую пылинку. Мне нужно чем-то занять руки.

Вот только боль никуда не исчезает. Слёзы просятся на глаза.

Поднимаю их к потолку и быстро моргаю. Начинаю жалеть, что не настояла на том, чтобы всё-таки Стас пошёл один.

— Алёна, что с тобой? — слышу голос Ивана. — Ты плачешь?

Поворачиваюсь в сторону кухни и замечаю, что брат мужа никуда не ушёл. Он стоит в проёме и наблюдает за мной.

Стас, услышав слова Ивана, резко поворачивается и смотрит на меня.

— У Алёны… голова болит, — торопится придумать оправдание моей неожиданной слезе.

— Ася, неси таблетку от головной боли! — кричит Иван, по-прежнему не отрывая взгляда от меня.

Муж осторожно ставит племянницу на пол и протягивает мне руку. Настя, глядя, что Стас снова сосредоточен на мне, хмурится, но не сопротивляется.

— Пойдём, — тихо говорит муж.

— Да, да. Извините. Голова раскалывается, — подхватываю его легенду.

В доме, как мы и предполагали, царит суета. Из кухни доносится звон посуды, кто-то громко смеётся, перекрикивая музыку, а по коридору с визгом проносится стайка детей.

Один мальчишка едва не врезается в Стаса, ловко уворачивается и исчезает за поворотом, прижимая к груди плюшевого дракона.

Детей здесь столько, что глаза разбегаются. Кажется, за последнюю минуту мимо нас пробежало не меньше десятка, хотя, возможно, некоторые успели сделать по второму кругу.

У дивана две девочки спорят из-за куклы, на ковре малыши строят башню из кубиков, а возле окна чей-то отец пытается одновременно разговаривать и удерживать на руках извивающегося сына.

Кажется, что каждая пара пришла со своими детьми. Кроме нас, естественно.

— Прости, — смотрит на меня муж, говоря так, чтобы слышала только я. — Я не думал, что будет… столько детей. Иван говорил о семейном круге.

— Ничего страшного. Ты не виноват. И Иван не обязан перед нами отчитываться.

— Стас, родной! — замечает нас мама моего мужа. — Алёна…

Мы начинаем обниматься со свекровью. От неё веет теплом и добротой.

— Вы про праздник говорили? Как я понимаю ваше удивление! Я сама в шоке! Столько народа! Но эта идея собрать

всех друзей пришла Асе в голову в последнюю минуту.

Мы смеёмся и сочувственно киваем.

Несколько минут мы говорим о всякой ерунде: свекровь спрашивает у меня о работе, планах на отпуск, здоровье мамы.

Я жду, что она спросит о встрече с профессором, но на мою удачу она не говорит ни слова.

— Стас, я отойду, — предупреждаю мужа.

— Иди, милая. А я пойду поболтаю с сыном, а потом помогу младшему и невестке. Они там бедные, не знают, за что схватиться! Ох уж эти праздники!

Она театрально закатывает глаза и кладёт руки на грудь. Мы понимаем, что она шутит, и снова улыбаемся.

Закрывшись в ванной, я смотрю на себя в зеркало и уговариваю, что всё нормально. Да, больно, да, слегка завидую другим. Но, по крайней мере, Стас останется доволен этой встречей. А с остальным я разберусь.

По планировке дома, в которой живёт брат мужа, кухня примыкает к ванной, и я невольно слышу, что говорят за стеной.

На кухне громко стучит тарелка. А потом слышится голос Ивана:

— Кажется, наша принцесса не очень довольна тем, что пришла на праздник, где столько детей.

Я уже планирую открыть кран с водой, но останавливаюсь, когда понимаю, что Иван говорит обо мне. Рука замирает в

воздухе.

На мгновение мне кажется, что я ослышалась. Но принцессой младший брат называет только меня.

Он подхватил это прозвище от матери. Свекровь любит подшучивать, что Стас носится со мной как с принцессой на горошине — такой уж нежной и чувствительной я ей кажусь.

Впрочем, она говорит это мне в лицо и всегда улыбается, поэтому я не принимаю её слова близко к сердцу.

— А я тебе говорила, что не надо было звать её на праздник, — отвечает с укоризной Ася. — Нечего ей делать здесь. Вечно на детей наших смотрит с кислой физиономией.

— Не говори ерунды! Стас мой брат, — отрезает резко Иван. — И из-за того, что его баба не может родить, я с ним совершенно точно общаться не перестану. И дети наши его любят.

— Конечно, любят! Вань, убеди его, чтобы он расстался с ней. Зачем она ему?

За стеной на несколько секунд становится тихо. Потом кто-то открывает шкафчик и звякает чашками. Я стою, не двигаясь, и прислушиваюсь против собственной воли.

Нужно включить воду, громко кашлянуть или просто выйти, чтобы они поняли: я здесь. Но рука так и остаётся на холодной раковине.

— Он не может её бросить.

— А нужно! Жизнь идёт.

— Идёт... — вздыхает брат мужа. — Жаль мне его.

— Кого тебе жаль? — заходит на кухню свекровь.

— Стаса! Кого я ещё могу жалеть?! Алёна бесплодная, а он мучайся теперь, — продолжает Иван. — Мам, видела, как Настюха к нему на руки полезла?

— С чего ты решил, что она бесплодная? — тревожно повышает голос свекровь. — Они же… Не придумы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.